

Марков А. В. Определение хронологии русских духовных стихов в связи с вопросом об их происхождении: [Лирический стих «Тебя я ради, Господи»] // Богословский вестник 1910. Т. 3. № 10. С. 314–323 (3-я пагин.). (Окончание.)

Определение хронологии русских духовных стихов, в связи с вопросом об их происхождении.

(Окончание).

Лирический стих „Тебя я ради, Господи“.

Лирический элемент проникает в великорусские духовные стихи довольно поздно. Мы видели, что древние стихи лишены его совершенно. Судя по тому, что в великорусских исторических песнях лирика начинает пробивать себя дорогу лишь с начала XVII в., можно думать, что и духовный лирический стих, как народное произведение, появился в этом столетии. Пока я могу указать стих лирического характера более поздний, сложенный не ранее половины XVIII в., стих, начинающийся словами „Тебя я ради, Господи“. Стих этот найден мною в рукописи Румянцевского музея (гр. Румянцева, № 408, лл. 105 об.—106 об.), писанной в 1790 и 1791 гг. Рукопись содержит в себе 25 стихов, две вирши и начало одного лирического стихотворения. Писаны стихи в *Кузьяевъ*, как указано в нескольких записях, а село Кузьяево находится в Гороховецком уезде Владимирской губ.¹⁾ Любитель стихов не только списывал их со старых рукописей (л. 54 об. „Молитва св. Иоасафа в пустыню входяща, книга житие его листъ 215, а всего в книзе сей листовъ 217“), но, повидимому, и записывал с устного пересказа. Цель записи была не научная, а религиозная, что видно из такой, напр., отметки (л. 25 об.): „Стихъ Алексія Божія чловѣка; 1790 году

¹⁾ Списки населенных мест, № 1736.

августа 19 дня зачалъ писать, сего же дня и неугасиму начали, а 4 (24?) дня отчитана“. (л. 45) „Дописалъ августа 20 дня 1790 году въ Кузьяеве“. Отсюда видно, что списыватель стиховъ, составляя ихъ сборникъ, имѣлъ опредѣленную цѣль читать ихъ при неугасимой лампадѣ. Чтеніе стиховъ—совершенно оригинальное отношеніе къ этимъ произведеніямъ, которыя, какъ извѣстно, обыкновенно поются, нерѣдко подъ аккомпаниментъ лиры или кобзы. Чтеніе показываетъ отношеніе къ стихамъ какъ къ молитвамъ. Да и по содержанію многіе стихи сборника 1790 — 1791 гг., какъ лирическіе, похожи на молитвы. Вотъ упомянутый стихъ:

„Тебя я ради, Господи,
 Пошоль я скитатися;
 Тебя я ради, Господи,
 Покинуль я отца и мать,
 Тебя я ради, Господи,
 Покинуль я братію и сестръ,
 Тебя я ради, Господи,
 Покинуль я жену и чадъ,
 Тебя я ради, Господи,
 Покинуль я всѣхъ своихъ сродниковъ:
 Тебя я ради, Господи,
 Оставиль я ризы красныя,
 Тебя я ради, Господи,
 Оставиль я чертоги пресвѣтлыя;
 Тебя я ради, Господи,
 Лишаюсь я міра прелестнаго;
 Тебя я ради, Господи,
 Претерпѣль я много и гладу и холоду;
 Тебя я ради, Господи,
 Возлюбиль я пустыню прекрасную“.

Речеть ему Небесный Царь:

— Чадо Мое возлюбленно!
 За то Я тебя дарую
 Всѣмъ царствомъ Своимъ небеснымъ;
 Еще Я тебя, чадо, дарую
 Я своими златыми вѣнцами.—

Приведенный стихъ не пользуется большой популярностью въ народѣ. Причиною тому, вѣроятно, служить то обстоятельство, что это—стихъ сектантскій. Въ первый разъ онъ былъ

напечатанъ въ сборникѣ Кирѣевского (28)—безъ всякой отмѣтки. Другой вариантъ находится въ маленькомъ собраніи Можаровскаго „Духовные стихи старообрядцевъ Поволжья“¹⁾. Въ собраніи Можаровскаго тексты подправлены, а относительно ихъ происхожденія сообщается малоосмысленной фразой, что они заимствованы изъ засаленныхъ тетрадокъ „не только коревныхъ великороссовъ, приверженцевъ традиціонной старины, но и исконныхъ старообрядцевъ разныхъ наименованій“ (стр. 242—243). Поэтому для сужденія о средѣ, въ которой возникъ стихъ, пока можно воспользоваться лишь однимъ, но вполне точнымъ указаніемъ проф. А. С. Хаханова, что это—*молитва духоборова*. Въ 1895 г. г. Хахановъ записалъ въ селѣ Тамарашени, Горійскаго у. Тифлисской губ., нѣсколько духоборческихъ псалмовъ и молитвъ: среди послѣднихъ находится и интересующее насъ произведеніе, хотя въ нѣсколько сокращенной и измѣненной формѣ: „Тебе ради, Господи, возлюбилъ врата тѣсны; Тебе ради, Господи, оставилъ житье-бытье свое; Тебе ради, Господи, оставилъ отца и мать; Тебе ради, Господи, оставилъ брата и сестру; Тебе ради, Господи, оставилъ весь племень и родъ свой. Тебе ради, Господи, терплю тяготу и поношенія; Тебе ради, Господи, терплю хулы и поношенія; Тебе ради, Господи, хожу алчущій и жаждущій; Тебе ради, Господи, хожу безъ покровища“²⁾.

Настроеніе стиха и мысль его, проглядывающая въ записи 1791 г., вполне отвѣчаютъ тому, что извѣстно о духоборахъ, и потому не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что онъ сложенъ въ ихъ средѣ, а это обстоятельство довольно точно опредѣляетъ и хронологію стиха. Духоборчество, какъ система вѣроученія, сложилось въ пятидесятыхъ годахъ XVIII в., а въ 1791 г. стихъ уже былъ записанъ; слѣд., онъ былъ сложенъ во второй половинѣ этого столѣтія.

Изъ предложеннаго выше разбора нѣсколькихъ стиховъ, я думаю, вытекаетъ тотъ выводъ, что опредѣленіе хронологіи этого вида народныхъ произведеній, хотя бы не вполне точной, возможно, и ученый скептицизмъ здѣсь неумѣстенъ.

¹⁾ „Этнографическое Обзорѣніе“ 1906, к. LXX—LXXI, стр. 272, № 23.

²⁾ „Этн. Обзоръ“ 1909, кн. LXXXI—LXXXII, с. 168

Старые взгляды на народную поэзію, какъ на поэзію въѣ времени и пространства, какъ на поэзію „безвременную“ (по выраженію Порфирьева), по мѣрѣ детальнаго изученія этой поэзіи, отходятъ въ область преданія, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ и порожденный ими скептицизмъ. Въ настоящее время никто, конечно, не станетъ отыскивать въ духовныхъ стихахъ возрѣвній до-христіанскихъ, какъ это дѣлалъ, напр., Безсоновъ въ шестидесятыхъ годахъ XIX в.; но все болѣе и болѣе уясняется значеніе для сложенія стиховъ апокрифической литературы, какъ болѣе фантастичной, красочной и понятной малоразвитому уму. Вмѣстѣ съ тѣмъ изученіе религіозной жизни отдѣльныхъ эпохъ и отдѣльныхъ областей проливаетъ свѣтъ на тѣ нити, которыми религіозно-поэтическое творчество связано съ даннымъ временемъ и мѣстомъ, а благодаря этому мало-по-малу обнаруживается трудно уловимый и казавшійся тайнымъ процессъ усвоенія и художественной обработки старыхъ религіозныхъ идей.

А. Марковъ.

Апокрифическое поученіе противъ пьянства.

(По двумъ епискамъ).

I.

Пученіе иже во святыхъ отца нашего Василія Кисарицкаго

ко вѣмъ православнымъ христіанемъ о хмельномъ питіи, како ему гласъ бысть отъ образа Пресвятыя Богородицы. Благослови, отче.

Тако рече Пресвятая Богородица Великому Василю: „Василіе, что ко мнѣ слезно вопіеши? Аще хочеши меня псмошницу себѣ имѣти въ скорбѣхъ своихъ, то удалися, Василіе, злаго діавола, хмельнаго питія“.

Тако рече святая Богородица Великому Василю: „Василіе, аще бы кто видалъ страшны и грозны Судь Христовъ и лютую страшную муку! Кому будетъ мука?—пьяницѣ и блуднику. Блудникъ убо душу свою и тѣло оскверняетъ. Да возвратится и слезно покается, и пріимется покаяніе его, аки простаго ¹⁾ Давыда. А пьяница аще ся и покаеть, азъ него злы духъ хмельны и на долго время не изыдегъ“.

Василей же, слышавъ ипреславное чудо, и паде ницъ на землю, и лежа аки мертвъ. И возбудися мало отъ сна своего востахомъ ²⁾ и съ трепетомъ отъ грозныхъ заповѣдей, и рече со въздыханіемъ:—О, Пресвятая Госпоже, Владычица Богородица, Мати Христа, Бога нашего! Гласъ, Госпоже, слышу, а лица твоего не вижу.—

И рече Пресвятая Богородица: „Василіе, како ти лице мое видѣти, занеже злы духъ хмельны во устѣхъ твоихъ есть?“

И рече Василей:—О, Пресвятая Богородица, Мати Христа, Бога нашего! Елако ми есть уже, Госпоже? Тридесатое лѣто сѣдохъ за трапезою твоею пречистыя Богородицы; хмельнаго питія азъ мало вкушахъ; только трижды дерзнулъ, и не разумѣя, и не вѣдая твоя преславная заповѣди.

Рече святая Богородица Великому Василю: „Василей, аще кто

¹⁾ Простыи—скромный, простодушный (Срезневскій)

²⁾ Въмѣсто „со страхомъ“.

единажды изапієтъ того хмельнаго питія, то въ немъ вселится злы духъ хмельны до перваго лѣта; по первомъ же лѣтѣ приметъ чистое духовное дыханіе нескверное во устахъ своихъ“.

И рече пресвятая Богородица Великому Василию: „Василіе, ты зри и смотрю—, не могу зрѣти и смотрити злаго человѣка¹⁾ блуднаго, и беззаконнаго смѣшенія и лютаго злаго хмельнаго дыханія, занеже той злы духъ хмельны изгоняетъ Святаго Духа, аки дымъ отъ улья—пчелы“.

Наложила святая Богородица заповѣдь на Великаго Василия; Василиій же пріимъ сію заповѣдь отъ пречистыя Богородицы, и отверзся отъ пѣнства всякаго питія пѣнова. Василиій же пріявъ съ радостію отъ пречистыя Богородицы, и отъ того часа упразднился на трезвость. Никако же во храмѣ его отнютъ не бываху хмельнаго питія—не токмо ко устамъ его принести. И всѣмъ заклѣвъ, пишущи стоя²⁾ епистолю, уча архіепископомъ, и епископомъ, ка архимандритомъ, я игуменомъ, попомъ и діякономъ, съ великимъ запрещеніемъ:

„Аще котораго человѣка видятъ пѣнова, и они бы отнютъ не пушали въ церковь Божию, да не осквернили злымъ хмельнымъ дыханіемъ Святаго Духа; дабы и тѣи удалилися зла того, пѣнства, а дѣтеи бы своихъ духовныхъ вельми утверждали съ великимъ запрещеніемъ, дабы не осквернили Божія храма и не прогнѣвали бы злымъ хмельнымъ дыханіемъ Святаго Духа“.

Рече святая Богородица Великому Василию: „О, Василіе, хмель есть Сатаною сотворенъ, а цѣяницы—угодницы его, вся его злая дѣла во пѣнствѣ сотворяють“.

И тако рече пресвятая Богородица Великому Василию: „О, Василіе, како еси уготовалъ Діаволу, а Бога прогнѣвалъ! Забылъ еси апостола Павла³⁾, глаголюща: „Со иновѣрцами, и со пѣяницами, и со еретиками, со блудниками—съ таковыми не подобаетъ иранославнымъ христіаномъ ни пити, ни ясти“.

Василіи же и до исхода живота своего утрезвися отъ всякаго питія пѣнова. Также бысть другъ у пресвятѣй Богородицѣ, немалъ же подвигъ имѣя и обычая, ибо на долгѣ времени имѣя смиреніе.

Рече же святая Богородица Великому Василию: „О, Василіе, аще бы кто не ласкъ матерно, то бы могла у Господа Бога упросити грѣховъ его прощенія за великія грѣхи его и улучити ему царствіе небесное“.

Василіи же рече:—Воистину, зло есть пѣнство! Налрезвѣ человѣкъ каковъ грѣхъ помыслить, а во пѣнствѣ тотъ грѣхъ сотворить; иныя многія грѣхи во пѣнствѣ сотворяетъ. Пѣяныи человѣкъ, упиваясь

1) Въсто „грѣха“?

2) Въ другомъ спискѣ: „въ своєю области“.

3) Въ каноническихъ посланіяхъ ап. Павла этихъ словъ, конечно, нѣтъ.

хмельнымъ питіемъ, во адъ зрѣть, сиречь ко блуду спѣшить, на пагубу души своей, како бы ему прелюбы сотворити со иною женою или бы что ино зло сотворити. Никако же на добро челоувѣка не наводитъ хмель и пѣанство, токмо на злое учить. Пѣанство бо душамъ челоувѣческимъ велика пагуба есть учиниша Діаволь христіаномъ. А кто его учнетъ дерзатися и упиватися, и умъ его смятетца пѣанствомъ. Храбрыя оружіе пометаеть: таже нань найдоша, —инъ ратникъ уже зряще сѣмо и авамо, дабы чѣмъ отъ сея злаго ратника прогвати, и не успѣховѣ; злы же ратникъ начаша надъ немъ свою волю творити. Онъ же, много отъ него терпяще злое дѣяніе, и тако обрѣтъ свое оружіе, и скоро прогнаша отъ себе злаго ратника. И тако онъ челоувѣкъ, упився хмельнымъ питіемъ безъ ума, слыша (?), оружіе поверже: то есть забы молитву Исусову. и невозможно и прекрестити лица своего крестнымъ Христовымъ знаменіемъ. Законна бо есть молитва Исусова на Діавола, оружіе есть крестъ Христовъ, ратникъ бо есть Діаволь: обрѣте челоувѣка пѣанова, и воеваше имъ аки мертвымъ. И како минувши хмель отъ челоувѣка, онъ же возбудися отъ сна своего аки мертвъ, и воста, и прекрести лице свое крестнымъ Христовымъ знаменіемъ, и сотвори молитву Исусову. Тако же сопротивника своего Діавола прогнаша. злаго ратника. Храбрыя челоувѣцы мечю предани быша злаго ради пѣанства, а иныя умроша напрасною смертію, и упитися безъ Божіа суда умроша. Пѣанство бо и мудраго святителя погубляеть. аггелски чинъ оскверняеть, обѣщаніе погубляеть съ истиннаго пути савращаеть. Не токмо просты челоувѣцы погибоша злаго ради пѣанства, но и мудрымъ купцемъ прибытки теряеть, во адъ и муку вѣчную посылаетъ, а князетъ къ деркви Божіа не пускаеть, постигся не даеть. Во пѣанствѣ книгъ божественнаго писанія почитати не даеть. Лѣнныя и пѣанныя Богу молитися не хотять. Въ рукахъ его слабость, и ногамъ трясеніе, и во главѣ его веліе пѣанство, очемъ зракъ портитъ. И ничтоже во пѣанствѣ нѣсть добра, но все зло есть. Во пѣанствѣ вся погубель сотворяеть челоувѣкомъ. О комъ молва и позоръ въ людехъ бываеть?—о пѣаницахъ. Кому блудъ сотворити?—пѣаницѣ во пѣанствѣ. Кому рано пити и ясти безъ воздержанія—пѣаницѣ. Во пѣанствѣ сварь, и тяжба велика, и судъ по мздѣ. Кому скарѣдити ¹⁾ праведныя воздержательницы и нелюбви божественнаго поученія?—пѣаницѣ бываеть. Кому заутрени проспати?—пѣаницѣ. Кому литургію прогуляти?—пѣаницѣ. Кому вечерня въ бесѣдѣ просидѣти?—пѣаницѣ.

Увы тому челоувѣку? лѣтче бы не родитися, нежели ему упиватися хмельнымъ пи(ти)емъ во пѣанствѣ! Пѣанство бо ради злаго погибаетъ челоувѣкъ; пѣанство бо—всѣмъ грѣхамъ мати. Кому будеть судъ праведенъ, а пѣаницѣ огнь неугасимы.

И се слышавъ, братіе и сестры, преславное чудо и грозную заповѣдь отъ пречистыя Богородицы, иже заповѣда намъ всѣмъ, православнымъ христіаномъ, молю же вамъ, братія и сестры, отъ

¹⁾ Ср скарѣдовати—гнушаться, отвращаться (Срезневскій).

мала и до велика, Бога ради, всѣмъ злымъ злаго сего обычая удалятися, злаго сего пѣнства, да не погибнемъ напрасно душею и тѣломъ, да не умремъ напрасно безъ покаянія. Молю же вамъ, братія и сестры, отъ мала и до велика, со въздыханіемъ, и сокрушеннымъ сердцемъ и с печальнымъ воззрѣніемъ: не презрите, Бога ради, своего спасенія, а нашего поученія, пріямите, братія, Бога ради, сію заповѣдь отъ пречистыя Богородицы, иже заповѣда намъ удалитися злаго сего пѣнства, да будемъ причастницы царствію небесному. Лѣпо ¹⁾ есть унитися человѣку,—велика пагуба души и тѣлу. Втрезвѣ бо человѣкъ каковъ грѣхъ сотворить или помыслить, то вѣдаетъ, какъ Богу покается; аще ли человѣкъ каковъ грѣхъ во пѣнствѣ помыслить или сотворить, не вѣдаетъ, како в томъ грѣхѣ Богу покается. А пѣнницы царствія небснаго не наследуютъ ²⁾; уготована имъ мука вѣчная, огонь негасимы.

Богу нашему слава нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Съ рукописи Тихонравова, № 361 (2-ой четверти XVIII в.), л. 166 об.—171 об.

II.

Бысть во время молитвы нѣгдѣ стоя Велики Василя выписано

На правилѣ и молитву творящія предъ образомъ пресвятыя Богородицы со слезами. И гласъ ему бысть отъ пресвятыя Богородицы:

„Васили, что ко мнѣ слезно вопіеши? Аще мене хочещи имѣти помощницу и заступницу въ скорбѣхъ, то удалися злаго и хмелнаго питія: Ты же како дѣволу угрождаеши, Человѣколюбца Бога прогнѣваеши хмелнымъ питіемъ. Вѣдаеши ли, пѣнницы—сатаны угодницы. Аще кто и единожды испіетъ того хмелнаго питія, то въ немъ вселится той злыи духъ хмелны, даже до 30 лѣтъ не изыдетъ; и той духъ хмелны отгоняетъ Духа святаго отъ человѣка, аки дымъ пчелы. О, Василя, или забылъ еси апостола Павла, глаголюща сиче: „С пѣнницами и з блудницами и с прѣлюбодѣи, и сквернами и еретиками—и с такимъ не подобаетъ христیانомъ ни ясти, не пити?“ Вся бо зрю и вся смотрю,—и всего злѣя не могу зрѣти и смотрѣти сквернаго человѣка блуднаго, и хмелнаго злаго дыханія, и матерныя брани. Аща бо кто матерно избранить, и отъ того матернаго слова небо восколеблется, и земля потресется, и уста того человѣка кровію запекутся. И не подобаетъ тому человѣку в тотъ деиъ ни ясти и не пити потому же, что и азъ имъ мати всѣмъ. Аще бы кто отъ рожденія своего не избранилъ матерно, то бы азъ умолила и просила о томъ многогрѣшномъ человѣкѣ у Господа Бога грѣхомъ его прощенія“.

Васили, слышавъ такое и преславное чудо и грозную заповѣдь отъ пресвятыя Богородицы, и страха того падъ ницъ на землю, и

¹⁾ Вмѣсто „челѣпо“.

²⁾ I посл. ап. Павла къ Коринѣ VI 10.

лежа аки мертвъ. И едва ачнувся отъ страха и трепета отъ гласа пресвятая Богородицы, и рече со слезами и со въздыханіемъ:

„О, пресвятая Госпоже, Владычица моя, Богородица, Мати Христа, Бога нашего! Гласъ твой, Госпоже, слышу, а лица твоего не вижу“.

И рече ему святая Богородица: „Василии, како ти лице мое видѣти? Понеже и аща злый духъ хмельный во устѣхъ твоихъ“.

И рече Василии: „О, пресвятая Богородица! Ёгоже азъ хмелнаго вкушахъ питія, не вѣдая твоея заповѣди, дерзнухъ с неразумія“.

И рече ему святая Богородица: „Василии, грѣхъ ти, что и единойды ипиеша хмелнаго питія, из него злыи на долго лѣтъ не изыдетъ. Отселѣ бо уповай на мя: азъ ти заступница“

Василии же, приѣмъ сію заповѣдь отъ пресвятая Богородицы с радостію, и отверзся отъ всякаго хмелнаго питія. И отъ того часа никакоже в храмнѣ его не бываху хмелнаго питія, не токмо ко устомъ своимъ приносить. И все заклыхъ пичу¹⁾ въ своая области епископи ко архіепископомъ, епископомъ, архимандритамъ, игуменомъ и попомъ съ великъмъ запрещеніемъ, да чтобы сами удалялися отъ злаго хмелнаго питія, и дѣтей своихъ духовныхъ съ великимъ запрещеніемъ унимали:

„Аще кто не учнетъ слушати и станетъ хмелнаго пити питіе, и вы тыковыхъ отнюдъ близъ церкви не пуцайте, дабы не прогнѣвали Святаго Духа злымъ своимъ хмельнымъ дыханіемъ“.

Зло есть пиянство. Трезвъ человекъкъ помыслить, а въ пиянствѣ и сотворить тотъ грѣхъ, да иныя многія злыя дѣла со[т]ворить. Пиянство бо есть душамъ человѣческимъ пагуба великая учинися отъ діавола. Пиянь человекъкъ, опився хмельнымъ питіемъ, лежитъ мертвъ, забудеть сотворити молитву Іисусову и не може..... тити²⁾: въ ту ноцъ поругается имъ діаволь, аки мертвымъ, и учить его на вся злая дѣла. Хмельны же человекъкъ слушаетъ его. И какъ отъ того человекъка минуца хмель и сонъ, и онъ прекрестится, сотворить молитву Іисусову и прогонитъ діавола. Запона бо діаводу—молитва Іисусова, оружіе—крестъ Христовъ. Пиянство бо есть: и мудраго святителя погубляетъ, отъ истенаго пути развращаетъ, во адъ и муку вѣчною преобщаетъ, и на вся злая дѣла готовы сотворить: на брани и на убийство, на блудъ и на прелюбодѣяніе, на кѹны, и на плессаніе и пѣсни бѣсовскія. женъ отъ мужей отымаеть, мужей отъ женъ, къ церкви не пуцаеть, и поститися не дадь. и божественаго поученіе слушати не велить. Пиянь Богу молитися не хошеть, въ рукахъ имать слабость, стрясеніе въ ногахъ, и болѣзнь во главѣ его. И ничтоже въ пиянствѣ добро, но все зло въ пиянствѣ. Кому блудъ сотворить?—пияницѣ. Кому заутреню проспати?—пияницѣ. И[ли] латоргію за питіемъ проходить?—пияницѣ. Или вечерню въ бисѣдѣ просидѣти?—пияницѣ. И кому пити безъ воздержаніе?—пияницѣ. Кому бываютъ свары, и тяжбы великіе, и

¹⁾ Въ другомъ спискѣ „пишущи“

²⁾ Стерго. Судя по другому списку, было: „И не можетъ ся прекрестити“

суды по мздѣ?—піяницѣ. Увы тому человѣку! лучше бы ему не родиться, нежели упиваться хмельнымъ питіемъ! Піянства бо ради злаго погубяетъ душу и тѣло. Піянство бо веѣмъ грѣхомъ мати. Кому будетъ судъ страшныи, а піяницѣ огнь неугосими.

Се слыша, братіе и сестры, преславное чудо и грозную заповѣдь отъ пресвятыя Богородицы, удалитесь, малыя и великія, все злаго и хмельного питія, и да не погибнете душою и тѣломъ. Піянство бо душамъ человѣческимъ пагуба великая есть. Во піяствѣ чловѣкъ каковъ грѣхъ сотворить, а не вѣдаетъ, какъ и покается. Піяницы бо царствія небеснаго не наслѣдятъ, уготована имъ мука вѣчная.

О Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ, аминь.

Съ рукописи Румянц. музея, гр. Румянцева, № 302, листки въ концѣ рукописи, XVIII—XIX в.
